

ВОЛОСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ У СИБИРСКИХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Г.Т. Бакиева

Рассматриваются основные элементы волостного управления у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в. На основе архивных материалов проанализирована деятельность волостного схода и правления, а также права и обязанности волостных должностных лиц. Сделан вывод о том, что в указанный период волостное управление у сибирских татар было уравнено с таковым у русских крестьян, волостные правления получили организационное оформление и стали постоянно действующими органами самоуправления общины. В то же время они рассматривались властями как низшее звено управления. В целом же наблюдались бюрократизация и формализация деятельности волостного управления и усиление контроля со стороны административных органов.

Сибирские татары, волостное управление, сход, правление, старшины, писари.

Сельская община сибирских татар на протяжении длительного периода времени являлась самоуправляющейся социальной единицей с многообразными функциями. Ее роль в системе сельского управления сохранилась и во второй половине XIX — начале XX в. Этот период характеризуется проведением административных реформ, направленных на унификацию системы управления всем сельским населением Сибири. Первые шаги на этом пути были сделаны во время реформы М.М. Сперанского 1822 г., в результате которой сибирские татары были отнесены к «оседлым инородцам» и приравнены к русским крестьянам. Оседлые инородцы должны были иметь то же управление, что и крестьяне: сельское и волостное со своими сходами, правлениями и судами. Однако тогда унификации управления у сибирских татар не произошло, оно продолжало сохранять традиционные черты [Бакиева, 2003, с. 74–76]. Во второй половине XIX — начале XX в. система самоуправления у сибирских татар, как и у русских крестьян, должна была соответствовать требованиям «Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г.». Однако реализация закона у татар Тобольской губернии стала возможна только после принятия «Положения о сельском состоянии», изданного в 1879 г., и циркулярного распоряжения Тобольского губернского правления от 30 апреля 1890 г.

В данной статье по материалам государственного архива в г. Тобольске (ГУТО ГАТ) рассматриваются система волостного управления у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в., деятельность волостного схода и волостного правления, а также права и обязанности должностных лиц волостного самоуправления¹.

Волостной сход. Во второй половине XIX — начале XX в. волостные сходы сохранили за собой распорядительную функцию, хотя в их деятельности произошли некоторые изменения. Если в XVIII — начале XIX в. решения на сходе принимались по древнему обычаю «с общего согласия», то позже власти отказались от этого правила. Со второй половины XIX в. по новым законам решение принималось лишь должностными лицами волостного и сельского управления и представителями от каждых 10 дворов селений, входивших в волость («выборщики», «десятидворные») [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58]. Например, в 1913 г. Вагайский волостной сход включал в себя волостного старшину, 2 заседателей, 4 судей, 4 сельских старост, 89 «выборщиков», итого 100 чел. Истяцкий волостной сход состоял из старшины, 3 заседателей, 4 судей, 5 сельских старост, 48 выборных, всего из 61 чел. [Ф. 346. Оп. 1. Д. 40. Л. 13–18].

Десятидворные выборные избирались сельскими обществами из числа домохозяев на один год. Они должны были принимать участие во всех волостных сходах, проводившихся в текущем году. Возрастной ценз десятидворных не был строго установлен по закону, по архивным материалам можно видеть, что средний возраст выборных равнялся 30–40 годам [Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 79].

Сход считался открытым, если на нем присутствовало не менее 2/3 крестьян, имеющих право голоса. Если оказывалось меньше, то сход считался не состоявшимся. При этом власти

¹ Деятельность волостных судов у сибирских татар рассмотрена автором в статье «Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII — начале XX в.» (ВААЭ. 2008. № 9. С. 130–140).

установили ответственность должностных лиц и выборных десятидворных за неявку на сход без уважительной причины. Волостной старшина передавал сведения о них на рассмотрение волостного суда [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58 об.–59].

Решение волостного схода принималось простым большинством голосов его членов. При этом если голоса на сходе делились поровну, то большинство считалось на той стороне, с которой соглашался волостной старшина. Лишь небольшой круг вопросов решался 2/3 голосов членов схода: об установлении добровольных мирских повинностей, расходовании мирских капиталов и удалении порочных крестьян из общества [Там же. Л. 71–71 об.]. Таким образом, произошло резкое ограничение представительства волостного схода, что было недопустимо еще в начале XIX в. Как справедливо заметила Н.А. Миненко, «положение о принятии на нем (сходе.— Г.Б.) решений простым большинством и с предоставлением особого веса голосу старшины — все это подрывало авторитет распорядительного органа общины. По общинной демократии наносился удар огромной силы» [1991, с. 55–56].

Решение волостного схода записывалось в приговоре. Во вводную часть приговора требовалось включать данные о составе волостного схода — число всех членов схода и присутствовавших [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 71–72]. В конце XIX в. в приговоре требовалось указывать, что сход собран «согласно распоряжения крестьянского начальника».

Председательствовал и отвечал за порядок на волостном сходе волостной старшина. В том случае, когда происходил учет (проверка) волостного старшины, возглавлять сход представлялось одному из сельских старост.

К компетенции волостного схода относились вопросы, касавшиеся дел волости. Одним из главных вопросов, который решался на волостном сходе, было утверждение расходов на волостные нужды. На крестьянских обществах лежали следующие мирские повинности: содержание общественного управления, содержание в исправности проселочных дорог, межевых знаков, содержание караулов в деревнях, призрение престарелых, «дряхлах», увечных, сирот, у которых не было родственников (или же родственники были не в состоянии содержать их). Волостной старшина вместе с членами волостного правления составлял смету волостных потребностей и представлял ее на утверждение волостного схода. Затем на сходе производили раскладку сумм, необходимых для волостных потребностей, между сельскими обществами по числу душ домохозяев [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 67–67 об.]. Кроме того, из волостных сумм выдавались деньги на расходы поверенным общины в случаях необходимости ходатайств перед вышестоящими органами.

Следующий круг вопросов, относившийся к ведению волостного схода, касался учета должностных лиц общины и утверждения годового отчета волостного старшины. Для проверки и учета волостных сумм на сходе ежегодно избирались учетчики числом не менее трех из грамотных общинников. При этом учетчиками не могли быть сельские старосты. Учетчики были обязаны осуществлять проверку денежных книг и сумм волостного правления один раз в три месяца. «Инструкция сельским и волостным обществам и должностным лицам» подробно регламентировала их действия: «первоначально проверяется кассовая книга, просматриваются подлинники квитанции и расписки в израсходовании денег, приходные статьи удостоверяются подлинными бумагами, при которых деньги поступили, расчетными книжками сборщиков податей и сельских старост. Затем определяется остаток по кассовой книге, который должен быть налицо. Определив по книгам остаток сумм... учетчики вскрывают денежный сундук и пересчитывают все находящиеся в оном суммы и документы. В случае обнаружения... злоупотреблений, учетчики обязаны немедленно составить акт и предъявить его, чрез волостного старшину волостному сходу, а копию с этого акта до созыва схода представить в уездное по крестьянским делам присутствие». В течение января волостной сход производил учет всех сумм, находящихся в распоряжении волостного старшины, проверял и утверждал его годовой отчет [Там же. Л. 68 об.–69 об.].

На волостном сходе принимались решения об отдаче в аренду общинных угодий. Например, в феврале 1905 г. татары Уватской волости на сходе приняли решение и составили приговор об отдаче в аренду речки Аристовки татарину юрт Уватских Ибуку Калиеву за 265 руб., «которые и зачислили в мирские сборы за 1905 г.». Далее шли 92 подписи, печать волостного головы Маметуллиной и кандидата головы Амирханова [Ф. 346. Оп. 1. Д. 191. Л. 50–53 об.].

Волостные сходы могли собираться в любое время, по необходимости. По закону существовали и специальные сроки для них: в январе для учета волостных сумм за истекший год, в декабре для определения волостных сборов на следующий год и раскладки этих сборов между обществами [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58 об.]. О количестве волостных сходов за год косвенно

свидетельствует число волостных приговоров схода той или иной волости. Так, в 1909 г. Бухарский волостной сход вынес всего 15 приговоров, Карагайский — 13, Истяцкий — 5, Тукузский — 20, волостной сход Оброчных Чувальщиков — 6 [Ф. 346. Оп. 1. Д. 12. Л. 5]. В 1912 г. в Истяцкой волости было вынесено 11 приговоров волостного схода, в Вагайской волости — 5, в Тукузской — 7, в Карагайской — 8. А, например, Истяцким волостным судом за тот же год было решено 28 гражданских и 28 уголовных дел, Вагайским волостным судом — 61 и 20, Тукузским — 38 и 9, Карагайским — 119 и 41 дело соответственно [Там же. Д. 8. Л. 25–31]. Как показывают цифры, волостные сходы проводились не часто. Одной из причин уменьшения количества дел, выносимых на рассмотрение схода, являлось то, что судебные разбирательства, которые ранее относились к его компетенции, были переданы в ведение волостного суда.

Волостное правление. Во второй половине XIX — начале XX в. волостное правление у сибирских татар являлось административно-судебным и распорядительным органом самоуправления. Одновременно волостным правлением называлось и помещение, которое занимали должностные лица волости и где хранились документы и деньги. В волостных правлениях происходили заседания волостного суда и должностных лиц волости, а также сходы общинников. Помещение, где происходили волостные сходы, использовалось также для заключения лиц, отбывающих наказание [О мере пресечения..., 1893, с. 6–7].

Волостное правление являлось центром волости, располагаясь обычно в самом крупном по численности населения селе. По количеству волостей в округе определялось количество волостных правлений. Так, во второй половине XIX — начале XX в. в Тобольском округе насчитывалось 10 татарских волостей, в Тарском — 5, в Тюменском — 5, в Ялуторовском — 2. В Тобольском округе волостные правления находились в юртах Вагайских (Вагайская волость), Истяцких (Истяцкая волость), Карагайских (Карагайская волость), Тукузских (Тукузская волость) [Ф. 346. Оп. 1. Д. 10. Л. 71, 76, 77]. В самом Тобольске находились волостные правления Тобольской Городовой, Бухарской волостей и волости Оброчных Чувальщиков.

Волостное правление состояло из выборных должностных лиц: старшины, кандидата старшины, заседателей, судей, сельских старост, кандидатов сельских старост. Например, в 1917 г. Вагайское волостное правление состояло из 18 членов, Истяцкое — из 19, Карагайское — из 22, Тукузское — из 23 [Там же. Д. 24. Л. 15–16, 20–21, 27]. Существовало правило, предписывающее волостному старшине, заседателю и писарю проживать в селении, где располагается правление.

На содержание волостного правления из мирских сборов выделялись определенные волостным сходом суммы. Например, в 1909 г. на содержание Бухарского волостного правления Тобольского уезда было выделено 648 руб. [Там же. Д. 6. Л. 27]. В 1916 г. на содержание Вагайского волостного правления было выделено 429 руб. 25 коп., Истяцкого — 452 руб. 60 коп., Карагайского — 550 руб. 20 коп., Тукузского — 385 руб. 35 коп. [Там же. Д. 10. Л. 6 об.–7].

По закону собрания волостного правления проходили по воскресеньям, а в случае необходимости и в другие дни. Решению волостного правления подлежали следующие дела: производство денежных расходов из волостных сумм, утвержденных волостным сходом; продажа имущества общинников по взысканиям казны; определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму.

В волостном правлении велись и хранились документы, касавшиеся волости: книга приказов, в которую вписывались приказания, объявленные старшиной правлению или отдельным должностным лицам, решения, принятые правлением, книги приговоров волостного схода, решений волостного суда, сделок и договоров общинников и др. Так, в 1909 г. в Бухарской волости Тобольского уезда в волостном правлении велось 30 книг, в Карагайской — 21, Истяцкой — 32, Тукузской — 44 [Там же. Д. 6. Л. 27]. В 1913 г. в Надцинском волостном правлении того же уезда велось 37 книг, здесь было выдано 86 паспортов и билетов, засвидетельствовано 80 сделок и обязательств, выдано 140 квитанций в получении денег, всего зарегистрировано 665 входящих бумаг и 620 входящих [Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 17].

Волостное правление должно было иметь свою печать, которая изготавливалась за счет «мирских сумм» и хранилась у волостного старшины. В волостных правлениях имелись различные инструкции, руководства, сборники законоположений, которыми должны были руководствоваться должностные лица. В Уватском правлении в начале XX в. находилось 20 таких книг. Среди них «Свод уставов о повинностях» 1899 г., «Инструкция о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельского общества» 1900 г., «Уложение о наказаниях уголовных и

Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в.

исправительных» 1885 г., «Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей» 1904 г. и др. [Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 11–11 об.].

На примере Надцинского инородного управления Тобольского уезда можно представить, как выглядело помещение изнутри. В правлении стояли 3 стола, 7 стульев, два шкафа для хранения книг и дел и канцелярских принадлежностей, ящик-«баул» для хранения сумм управления с внутренним и висячим замками, ящик для хранения гербовых знаков и паспортных бланков с одним внутренним замком. В комнате находились две печи с трубами — круглая и продолговатая, на стене висел портрет императора Николая II. В описи значились также разные канцелярские предметы, должностные знаки волостного головы и кандидатов головы, четыре металлических печати. Кроме того, в правлении числилась разная утварь и посуда — топоры, лопаты, кадка, самовар, чайники, чашки, ведра, бочка, таз и др. Любопытно, что в описи имущества правления указаны пятизарядный револьвер и кобура к нему [Ф. 348. Оп. 1. Д. 12. Л. 13–14].

К ведению волостных сходов относились выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда. К *должностным лицам волостного самоуправления* относились: волостной старшина, кандидат (помощник) старшины, заседатели, заменявшие сельских старост в волостном правлении, волостные судьи. Все должностные лица, кроме судей, избиравшихся на один год, избирались сроком на три года. Ко всем должностным лицам волости, а также волостным писарям по закону предъявлялись следующие требования: возраст не моложе 25 лет, преимущественно из домохозяев, не состоящие под судом и следствием, не подвергавшиеся телесному наказанию по суду [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 61–61 об.].

Вступая в должность, избранные должностные лица волостного правления — старшины, судьи, заседатели — давали присягу на верность службе. Согласно закону, присяга или «клятвенное обещание» у сибирских татар-мусульман приносилась на Коране в присутствии муллы. Это правило было введено вышестоящими властями еще в начале XVIII в. и сохранилось вплоть до 1917 г. Текст клятвы был единым для русских и татар, один экземпляр «клятвенного обещания» находился у муллы, другой хранился в волостном правлении [Ф. 346. Оп. 1. Д. 24. Л. 6 об.]. Введение присяги для должностных лиц общины лишней раз подтверждало, что центральная власть рассматривала их как своих агентов на местах, низших администраторов [Миненко, 1991, с. 83–84].

Избранные обществом на должности не имели права отказываться от исполнения своих обязанностей. Исключение составляли следующие случаи: если должностному лицу было более 60 лет; если он уже прослужил по выбору полный срок; тяжелая болезнь [Сборник узаконений..., 1904, с. 1]. Однако должностные лица обращались к вышестоящему начальству с заявлениями об освобождении от занимаемых должностей и по другим причинам. Заявления должностных лиц об увольнении сначала рассматривались крестьянским начальником, а затем на волостных сходах. Например, в декабре 1909 г. крестьянскому начальнику 2 участка Тобольского уезда с прошением об увольнении от должности обратился кандидат Бухарского волостного головы Халит Сейнитдинов, мотивируя это тем, что он «очень бедный и имел от роду всего 23 года». Однако крестьянский начальник, изучив семейное и имущественное положение просителя из метрической выписи, выданной муллой, и из сведений, полученных от волостного головы, не согласился с просителем. Состав имущества не позволял считать просителя бедным. Он имел: дом, завозню, пригоны, двух лошадей, одну корову, одного теленка, одну овцу, одну телку, две дровни. Семья Сейнитдинова насчитывала 7 чел.: он сам, его жена (20 лет), двое детей, мать (55 лет), сестра (12 лет) и брат (16 лет) [Ф. 346. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–6].

В другом деле волостной сход волости Оброчных Чувальщиков в декабре 1909 г. рассматривал личное заявление волостных кандидатов Мухамедьяра Мухамет Казыева и Мухамет-ситдика Салиманова о досрочном освобождении их от занимаемой должности, как они указали, «по семейным обстоятельствам». Сход единогласно постановил освободить просителей от занимаемой ими должности, а на их место избрали других [Там же. Д. 17. Л. 3–3 об.].

Исполнение обязанностей должностных лиц волостного и сельского управления являлось натуральной повинностью, поэтому на время службы они освобождались от других повинностей. Кроме того, в некоторых волостях старшины и судьи получали жалованье, размер которого устанавливался волостным сходом.

Согласно «Уложению о наказаниях», лица, занимающие выборные должности, не подвергались телесным наказаниям [1916, с. 67]. Как мера поощрения для должностных лиц волостного и сельского управления, занимавших должности «беспорочно» в течение трех лет, устанавливалось право быть присяжными заседателями [Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 352].

Волостной старшина занимал главное место в иерархии волостного и сельского самоуправления. В его ведении находились как должностные лица волостного и сельского управления, так и все крестьянское население волости. Власти выделяли волостного старшину из среды общинников, считая, что он «своим поведением обязан служить примером для всех крестьян своей волости... заслужить их уважение, поступать с ними справедливо, вести себя честно и безукоризненно, терпеливо выслушивать всегда просьбы крестьян, советовать по всем их делам, вникать в положение крестьян и стараться... об улучшении этого положения... он не должен позволять себе напиваться допьяна, употреблять непристойные бранные слова, участвовать в каких-либо буйствах и драках и т.п.» [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72–72 об].

Утверждение в должности и удаление от должности волостных старшин, а также их помощников (кандидатов) в случае «неисправного отправления ими обязанностей или замеченных с их стороны злоупотреблений» и предание их суду предоставлялись губернатору [Там же. Д. 1. Л. 4 об.].

Во время службы волостные старшины должны были носить на шее особый знак, изготовленный из светлой бронзы, на лицевой стороне которого был изображен герб губернии с надписью вокруг — «волостной старшина», а на обратной стороне вензелевое изображение имени Его Величества с надписью вокруг — «19 февраля 1861 г.» [Сборник узаконений, 1904, с. 43]. Следует отметить, что татары видели в ношении такого знака оскорбление их религиозных чувств, «в виду изображения на одной стороне знака креста». Об этом писал в 1900 г. поверенный от Вагайской волости Тухтабай Курманов. Он обратился к Тобольскому губернатору с прошением, чтобы крестьянские начальники не обязывали старшин носить должностные знаки. Определением Тобольского губернского управления по крестьянским делам от 25 июля 1900 г. было отменено распоряжение крестьянского начальника о ношении волостными головами из татар должностных знаков на груди [Ф. 335. Оп. 1. Д. 335. Л. 6–7 об.]. Аналогичная просьба исходила и от поверенного Карагайской волости [Д. 115. Л. 16].

В случае сложения своих полномочий волостной старшина передавал должностной знак вместе с документами и волостными суммами своему преемнику. Процедура передачи волостного имущества вновь избранному старшине происходила в присутствии членов волостного правления, а иногда и понятых путем оформления протокола или передаточного акта. Все присутствующие лица ставили свои подписи в протоколе, а должностные лица прилагали свои печати. Например, в феврале 1914 г. такой передаточный акт был составлен в Надцинской волости: «Мы, нижеподписавшиеся волостные старшины... бывший Аптул Суючев и вновь наступающий на трехлетие с 1914 по 1917 гг. Аптул-Алим Колыбаев, в присутствии волостного заседателя Аширова производили сдачу и прием денежных сумм, документов и имущество волостного правления. При чем Колыбаев, вновь избранный старшина, принял от Суючева наличными деньгами 279 руб. 3/4 коп., документами (книжки сберегательной кассы) 217 руб. 61 коп. и паспортных бланков 35 шт... Затем принял все имущество... принадлежащего волостному правлению, кроме 2 штемпелей, 1 ковш, 1 стула и 1 пепельницы, пришедших в полную ветхость и потому подлежащих из описи исключению, а всего принял имущества на сумму 109 руб. 60 коп, а также принял должностной знак и печать. Все означенное выше сдал в наличность я Аптул Суючев, а я Аптул-Алим Колыбаев принял полностью...» [Ф. 348. Оп. 1. Д. 11. Л. 27–27 об.].

Волостные старшины были наделены широкими полномочиями. Прежде всего они отвечали за отправление общинниками повинностей, как денежных, так и натуральных. На него возлагалась обязанность продажи движимого имущества для пополнения окладных платежей и по долговым обязательствам общинников. До проведения торгов волостной старшина должен был произвести опись и оценку имущества. Оценка обычно проводилась специально выбранными для этого случая оценщиками из числа однообщественников. В случае временного затруднения у отдельных домохозяев, при невозможности внесения ими окладных платежей, волостной старшина был обязан обращаться к вышестоящему начальству по поводу отсрочки исполнения или других льгот этим домохозяевам [Сборник узаконений..., 1904, с. 24–28].

Волостной старшина отвечал за созыв волостных сходов и председательствовал на них. В некоторых случаях председательствовал и на сельских сходах, например когда заслушивался отчет опекунов над личностью и имуществом сирот. Волостные старшины были наделены судебными полномочиями. Эта функция была характерна для них и в более ранний период [Бакиева, 2003, с. 68]. По закону старшины ведали гражданскими и «маловажными» уголовными делами, по правонарушениям, совершенным лицами, им подведомственным. Они могли наложить на виновных такие наказания, как общественные работы до двух дней, денежные взыска-

ния до 1 руб. в пользу общественных сумм, арест на срок не более двух суток [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72–77 об.]. Старшина устанавливал наказание в отношении общинников за «упорный неплатеж» податей и повинностей, неявку на волостной сход или самовольный уход со сходки, нарушение тишины и спокойствия в ночное время на улицах, оказание неповиновения властям и т.д. [Ф. 282. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 5, 18–18 об.; Ф. 346. Оп. 1. Д. 76. Л. 7].

Волостные старшины следили за тем, чтобы все должностные лица общины добросовестно исполняли свои обязанности. Они могли подвергать наказанию сельских старост, сборщиков податей в случае неисполнения ими своих обязанностей. Например, волостной голова Бикбулатов «за неуспешное собрание податей, за неисполнение приказаний членов Иногородного управления, и за неявку в управление» подверг аресту на двое суток сборщика податей Саусканского сельского общества, юрт Комаровских Салима Мухамета Муратова [Ф. 282. Оп. 1. Д. 23. Л. 54].

Волостным старшинам власти определили также функции следователей и дознавателей при расследовании тяжких преступлений в общине. Хотя это не входило в компетенцию общины, власти обязали ее должностных лиц принимать меры по задержанию преступников [Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений..., 1888, с. 15, 18]. В компетенцию волостных старшин входили также дела, связанные с поимкой бродяг, беглых и дезертиров. Они должны были задерживать таких лиц и представлять в полицейское управление [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72–77 об.].

Важной обязанностью волостных старшин было наблюдение за тем, чтобы общинники строго соблюдали порядок увольнения и перечисления из одного общества в другое. Не менее чем за месяц до выдачи увольнительного свидетельства волостной старшина опрашивал на сельском сходе общинников, нет ли у них каких-либо претензий к увольняемому из общества. Также он утверждал приговоры сельских сходов о принятии новых членов [Сборник узаконений..., 1904, с. 17–21].

Как уже отмечалось, власти рассматривали волостных старшин как своих агентов на местах, поэтому в случае преступления в отношении этих лиц при исполнении ими служебных обязанностей предусматривались довольно строгие наказания. Так, за оскорбление волостного старшины насильственными действиями виновный подвергался заключению в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев, а за оскорбление словами — аресту от семи суток до трех месяцев. При этом наказание было более строгим, если оскорбление исходило от лиц, подведомственных старшине [Там же, с. 43].

Деятельность выборных татарской общины и волостных судов находились под контролем крестьянских начальников. Ежегодно члены съезда крестьянских начальников, иногда совместно с Губернским управлением по крестьянским делам, производили ревизию волостных правлений. В случае уличения выборных в проступках и преступлениях крестьянские начальники могли налагать на них административные взыскания, привлекать к уголовному наказанию. За все должностные преступления и проступки лица волостного и сельского управления могли подвергаться замечаниям, выговорам, денежным взысканиям или аресту не более чем на семь дней. За тяжкие правонарушения их могли отстранить от должности. Например, в 1910 г. за присвоение и растрату общественных денег, подлоги по должности были уволены и преданы суду волостной голова волости Оброчных Чувальщиков Юнусов и волостной писарь Агачинский [Ф. 346. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–2 об., 12].

Волостные писари. Несмотря на то что по закону волостные писари не имели никакой распорядительной власти в волости и права голоса на волостных и сельских сходах, они занимали важное место в волостном управлении сибирских татар [Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 124]. Они наравне с должностными лицами волостного управления несли ответственность за ненадлежащее ведение дел в волостном правлении. За содержание в неисправности делопроизводства волостного правления, превышение пределов своих обязанностей и служебный подлог следовало наказание. По ст. 362 Уложения о наказаниях, в случае подлога по службе волостной писарь подвергался уголовному наказанию в виде лишения всех прав состояния и ссылки, или лишения всех лично и по состоянию присвоенных особенных прав и преимуществ, или отправки в исправительные арестантские отделения [Сборник узаконений..., 1904, с. 60].

Писарями в татарской волости, как правило, были русские [Ф. 335. Оп. 1. Д. 149. Л. 22–22 об., 38, 57, 59, 82 об., 93–94, 132]. В некоторых волостях у писарей были помощники, так называемые мирские писцы, которые выбирались из среды татар. Поскольку большинство татарского населения не знало русской грамоты, а многие даже не говорили по-русски, мирские писцы выступали переводчиками, посредниками между русским писарем и должностными лицами и общинниками.

На должность волостного писаря не могли назначаться лица, исключенные из службы, состоящие под судом и следствием и «вообще заведомо развратного поведения» [Ф. 332. Оп. 2.

Д. 19. Л. 61–61об.]. Писарь должен был иметь хозяйство, имущество, чтобы в случае хищений им из общинной казны можно было взыскать недостачу из его личных средств.

Как правило, большинство писарей, назначаемых в татарские волости, уже имели опыт работы писарями в русских волостях или работы на других должностях. Например, волостные писари Вагайской и Уватской волостей В. Кириллов и И. Козьминых до службы в татарских волостях были военными писарями, писарь Нердинской волости Тюменского уезда Ананий Апостолов был старшим членом коммерческого суда, писари Аевской, Саргатской, Аялынской волостей Тарского уезда ранее служили в канцелярии крестьянского начальника уезда [Ф. 335. Оп. 1. Д. 149. Л. 22–22 об., 38, 57, 59, 82 об., 93–94, 132]. Уровень грамотности волостных писарей был невысоким. Например, Карагайский волостной писарь Иосиф Николаев окончил лишь курс начальной школы. Однако это не помешало ему занимать различные должности до того, как он стал волостным писарем в татарской волости. Он служил псаломщиком, помощником волостного писаря, сельским писарем, волостным писарем в русской Кугаевской волости, в Тобольской дирекции народных училищ [Ф. 346. Оп. 1. Д. 24. Л. 36 об.].

Обычно волостные писари служили на должности по найму татарской общины по утверждению крестьянского начальника. Их увольнение также осуществлялось крестьянским начальником. Нанимая писаря, общество устанавливало ему жалованье, которое было самым высоким в числе предусмотренных волостных расходов. Так, в Тобольской Городовой волости Тобольского уезда в 1904 г. писарю назначили жалованье 600 руб. в год, а его помощнику — 100 руб. Для сравнения: жалованье волостному голове определили в сумме 120 руб., кандидатам волостного головы — по 60 руб. [Там же. Д. 35. Л. 12]. В 1912 г. в Истяцкой волости жалованье писарю назначили в сумме 720 руб., в Вагайской — 540 руб., в Тукузской — 444 руб., в Карагайской волости — 700 руб. [Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 25–31]. Столь весомое жалованье волостного писаря было, безусловно, оправданно. На него возлагалось все делопроизводство в волостном правлении. Он должен был заблаговременно готовить все бумаги согласно установленным формам. В его обязанность входило докладывать о всех распоряжениях вышестоящих властей волостному старшине. Вместе со старшиной писарь совершал поездки по волости, в том числе для сбора податей.

Вот как описывал в 1917 г. свои повседневные заботы Карагайский волостной писарь Иосиф Петрович Николаев: «В феврале и начале марта мне пришлось написать два листа всех домохозяев волости, предварительно переведя их с татарского на русский язык... Затем на поездку по волости по силе службы было потрачено не меньше полутора недель, на производство учета за три года волостного старшины и 6 сельских старост 9 дней, на производство продажи имущества по описям в пользу Чернышова и других лиц 3 дня и на написание копий иногородцам с описей и других по этому делу бумаг 4 дня. Если же кроме всего этого принять во внимание и остальную текущую работу по волости, то и выходит, что мне часто приходилось работать по ночам, ибо только лишь ночью можно работать спокойно, и никто не мешает, днем же рассчитывать на какую-либо требующую особенного внимания и тщательности работу, совсем даже немыслимо. На все эти кажущиеся на вид мелочи тратится немало времени, а в придачу ко всему этому, нужно еще писать татарам и адреса на письмах в действующую армию реквизируемым иногородцам. Хотя это и не прямая обязанность писаря, но их писать здесь более некому, да и нельзя своим отказом вооружить против себя всех татар. Все это вместе взятое тормозит ход волостной работы, так как... раз до двадцати в день приходится бросать свою работу и делать то, что просят татары» [Д. 85. Л. 23 об.].

По словам того же писаря, «...исполнение бумаг в татарской волости далеко труднее, чем в русской, ибо в русской волости оставляются бумаги только поважнее, а на всех прочих бумагах делается надпись и они препровождаются для исполнения сельским старостам. В татарской же волости сделать этого нельзя и каждая бумага торчит у волостного писаря на руках. Если даже по ней написать приказ известному лицу о явке в волость, то написать его без переводчика нельзя, на что убивается масса времени, а наипаче тогда, когда бумага носит характер сложный и ее необходимо растолковать переводчику так, чтобы он и сам ее понял и мог написать по ней приказ подходящий к сути дела, который бы и иногородцы в свою очередь поняли как следует, а не в обратную сторону...» [Там же. Л. 38–38 об.].

О том, что в татарских волостях служить было труднее, чем в русских, писал писарь Кречетинской волости Павел Четверкин. Он заметил, что в русских волостях писарь только ведет волостные денежные книги, а переписка с вышестоящими органами лежит на его помощниках, да и то не вся, «ибо переписка как-то о розыскных и прочее из волости предоставляется сель-

ским старостам и исполнение делают сельские писаря». В татарских же волостях писарь один, у которого нет ни помощника, ни сельских писарей [Ф. 335. Оп. 1. Д. 216. Л. 56–56 об.].

Безусловно, писаря можно было назвать правой рукой, главным помощником волостного старшины. Насколько добросовестно писарь исполнял свои обязанности, настолько можно было судить о деятельности волостного правления в целом. Проводя ежегодную ревизию волостных правлений, крестьянские начальники изучали прежде всего документацию, которая велась в волости. В ходе ревизии документов они выносили заключения об успешном ведении делопроизводства либо указывали на недостатки. Например, в ходе ревизии 1911 г. Карагайского волостного правления членами съезда крестьянских начальников в книге «на записку замечаний» было отмечено, что «делопроизводство волостного правления найдено в полном порядке и ведется аккуратно... отчетность в полном порядке. Книги на записку выдаваемых паспортов ведется очень опрятно и замечаний не вызывает, на записку приговоров волостного схода, постановлений волостного правления, сделок и договоров, словесных явок и жалоб, на записку лиц арестованных при волости ведутся очень опрятно и замечаний не вызывают. Архив содержится в порядке...». А по Истяцкому волостному правлению в 1912 г. крестьянские начальники среди замечаний указали, что «решения волостного суда изложены грязно и безграмотно», «вообще делопроизводство волостного суда найдено в очень плохом состоянии». Вероятно, обнаружение чиновниками таких недостатков в делопроизводстве стало поводом для увольнения волостного писаря Питухина [Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 3, 8, 16–18].

Об успешности деятельности местных органов самоуправления вышестоящие власти судили по положению дел в сборе податей. Безусловной заслугой в этом была деятельность не только волостных и сельских старост, но и писарей. Некоторые из них получали от администрации поощрения за заслуги на этом поприще. Например, в 1895 г. Тобольский губернатор Н.М. Богданович объявил письменную благодарность волостному писарю волостей Городовой и Отдельно-Бабасанской Тобольского округа Емельяну Ивановичу Соколову. Как было отмечено в выданном Соколову свидетельстве — «за отличные и успешные действия ваши по поступлению окладных сборов 1892–1894 годов» [Ф. 335. Оп. 1. Д. 208. Л. 11]. В 1899 г. Соколов получил другое «свидетельство» о благодарности, от Тобольского уездного исправника Павлинова: «...главная заслуга Соколова заключалась в приведении в порядок податного дела в обеих волостях... результатом чего было безнедоимочное поступление в казну ежегодных окладных сборов и постепенное, с каждым годом погашение прежней податной недоимки накопившейся в несколько десятков тысяч рублей, вследствие неисправного в прежнее время поступления окладов. Вообще, по своим служебным способностям, знанию дела и усердию к службе, Соколов всегда считался самым первым из всех волостных писарей инородных волостей Тобольского округа» [Там же. Л. 12].

Такая оценка вышестоящими должностными лицами, безусловно, являлась признанием заслуг писаря. Однако следует учесть и то обстоятельство, что без доверия и уважения со стороны татарского населения русскому чиновнику было бы невозможно достичь таких результатов. Высокую оценку служебным качествам Е. Соколова после двух лет его службы дал и волостной старшина Тобольской Городовой волости Аитмухамет Аитов, отметив, что «...Общество относится к Соколову с таким доверием, что едва ли какой другой писарь заслужил такового» [Там же. Л. 9].

Однако не все волостные писари добросовестно выполняли свои обязанности. Например, старшина Кречетинской волости Тюменского уезда в 1901 г. вынужден был обратиться сначала к крестьянскому начальнику, а затем к Тобольскому губернатору с просьбой удалить от должности волостного писаря Павла Четверкина. В своем прошении старшина отмечал, что Четверкин «дозволяет себе игнорировать своею службою, то, не являясь на службу в канцелярию, для отлучек для удовлетворения своих личных прихотей, то напиваясь допьяна разъезжает на земских лошадях по разным увеселительным притонам, гоняя для удовольствия земских лошадей. А на сделанное ему замечание и предостережение по поводу его неаккуратности по должности, оказывает мне полное неуважение и даже презрение, не прочитывает и не разъясняет мне получаемые на мое имя и волости правительственные распоряжения и бумаги должностных лиц, но сам своею властью разрешает и отвечает на таковые, требуя лишь от меня должностную печать для приложения таковой выданной бумаге» [Там же. Д. 216. Л. 53–53 об.].

Нерадивость в службе сельского писаря Ивана Ковригина, граничившую «с преступной небрежностью», отметил волостной заседатель Карагайского волостного правления. Он описал весьма своеобразное поведение писаря: «при сильном увеличении работы в течение целого месяца он отказывался от должности... С наступлением нового года, предвидя увеличение работ, как то, от-

крытие новых книг, раскладка податей, доставление различных сведений и пр. Ковригин снова отказался от должности в надежде, что когда вся эта работа будет исполнена волостным писарем, то он вновь примет на себя обязанность сельского писаря...» [Ф. 346. Оп. 1. Д. 76. Л. 12 об.–13].

В некоторых случаях писари, пользуясь авторитетом среди общинников, превышали свои должностные полномочия. К примеру, в 1915 г. крестьянский начальник Тобольского уезда отстранил от должности Вагайского волостного писаря Хучашева «за противозаконные его действия» по возглавлению бойкота решений вышестоящих органов по делу о спорных землях между ясачными татарами и бухарцами. Из материалов дела узнаем, что «по наущению писаря действовали волостной старшина и сельский староста, которые отдали приказ избить... бухарцев». Кроме того, писарь внушал татарам, что «он выше закона и при нем им можно не подчиняться не только распоряжениям местного начальства, но и игнорировать указы Правительствующего Сената» [Ф. 335. Оп. 590. Д. 11. Л. 5–5 об.].

В заключение еще раз подчеркнем, что во второй половине XIX — начале XX в. волостное управление сибирских татар было уравнено с таковым у русских крестьян. В систему волостного самоуправления входили волостной сход, волостное правление и должностные лица — волостные старшины, кандидаты (помощники) старшины, заседатели, а также волостные писари. Волостной сход продолжает сохранять распорядительную функцию в общине. Однако участие в сходе лишь выборных и принятие решений простым большинством голосов приводило к ограничению общинной демократии. Волостные правления получали организационное оформление и становились постоянно действующими органами самоуправления общины. В то же время они рассматривались властями как низшее звено управления. Несмотря на то что волостные старшины имели широкие полномочия в общине, над ними устанавливался двойной контроль — со стороны вышестоящей администрации и схода. Не только волостные старшины, но и все должностные лица, входившие в состав волостных правлений, рассматривались администрацией как агенты на местах. В целом в указанный период времени наблюдались бюрократизация и формализация деятельности волостного управления и усиление контроля со стороны административных органов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 6, 8, 10, 17, 24, 29, 40, 76, 89, 191; Ф. 332. Оп. 2. Д. 1, 19; Ф. 335. Оп. 1. Д. 35, 115, 149. 208, 216, 335; Оп. 590. Д. 11; Ф. 282. Оп. 1. Д. 23, 25; Ф. 348. Оп. 1. Д. 7, 11, 12; Ф. 152. Оп. 39. Д. 119.

О мере пресечения при дознании и порядке содержания арестантов при волостных правлениях и полиции и пересылке их. Пособие для чинов полиции, волостных и сельских начальников в Сибири. Тобольск, 1893.

Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений и распоряжений по следственной части / Сост. Газенвинкель. Тобольск, 1888.

Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. СПб., 1904.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Пг., 1916.

Литература

Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 260 с.

Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири: XVIII — первая половина XIX века. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 264 с.

ИПОС СО РАН, Тюмень;
gulsifa-bakieva@yandex.ru

The article considers basic elements of the volost administration with Siberian Tartars in the second half of the XIX — early XX c. Basing on archive data, subject to analysis being activity of the volost gathering and volost board, as well as rights and responsibilities of volost officials. The author comes to a conclusion that within the specified period the volost administration with Siberian Tartars was equalized with that among Russian peasants. The volost boards were officially legalized and became permanently active self-government bodies in the community. At the same time, they were regarded by the powers as the lowest administrative chain. Still on the whole one could see bureaucracy and formalization in the work of the volost administration and an increasing control on the part of administrative bodies.

Siberian Tartars, the volost administration, gathering, board, senior representatives, clerks.